

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Стенограмма

ЧЕМ МОЖЕТ ОТВЕТИТЬ РОССИЯ НА САНКЦИИ США?

29 мая 2014 | Москва

СПИКЕР:

Дмитрий Тренин, директор, председатель программы «Внешняя политика и безопасность»
Московского Центра Карнеги

Дмитрий Тренин. Добрый день, коллеги. Я благодарен всем, кто, несмотря на дождь и непогоду, решил дойти до Центра Карнеги, потому что для нас, конечно, это большое событие. Ваше присутствие, ваше участие, коллективная мудрость, разум. И хотя мы сегодня собрались в таком для меня немного неуютном формате, когда я — с одной стороны, а вы — с другой, я надеюсь, что наша сегодняшняя встреча скорее будет проходить в формате круглого стола, чем в формате какого-то доклада, его обсуждения. Тем более что, в общем-то, никакого фундаментального доклада у меня нет. У меня есть несколько мыслей, которыми я бы хотел поделиться с вами, и я очень хотел бы услышать и вашу реакцию на эти соображения, и, собственно говоря, ваши собственные мысли. Потому что есть такая знаменитая фраза одного политика, что он вернулся в другую страну, — у меня такое ощущение, что после нашей последней общей встречи с вами мы находимся в другом мире. И это, конечно, предмет для серьезного анализа и попытки осмыслить то, где мы находимся и куда мы движемся.

На мой взгляд, если коротко попытаться характеризовать то, где мы сейчас находимся, это завершение периода (довольно долгого, 25-летнего периода) преимущественного сотрудничества между Россией и Западом и неудачных попыток интегрироваться и, соответственно, интегрировать Россию в Евроатлантическое расширенное западное сообщество. Эти попытки были, с российской стороны они предпринимались по крайней мере трижды: в 1991–1992, 2001–2002, и самая последняя, наверное, в 2009–2011 годах. И хотя динамика развития международной ситуации после 2011–2012 годов была не очень благоприятной для дальнейшего развития и углубления сотрудничества, все-таки, как бы то ни было, сотрудничество превалировало, и сохранялись надежды, что оно будет сохранено и даже поднято на какой-то новый уровень. Перегрузка перегрузки или что-то в этом духе.

Украинский кризис, я буду о нем говорить в международном плане, я не буду говорить о внутриукраинских аспектах кризиса, в основном о международных его аспектах. Украинский кризис положил конец этому периоду, если хотите, он стал последней каплей, последним толчком, который свернул российско-западные отношения с дороги преимущественного сотрудничества. Означает ли то, что Россия оказалась в таком остром противоборстве с Западом, что началась новая холодная война? Я думаю, все зависит от того, что конкретно мы вкладываем в понятие холодной войны. Конечно, никто не предполагает, что то, что происходит сейчас, и то, что может развиваться в будущем, будет сильно напоминать период 40–80-х годов. Нет такого идеологического противостояния, которое было тогда, нет и, наверное, не будет массированного военного противостояния и гонки вооружений в тех формах и той интенсивности, как это было в прошлом. Главное, что между Россией и Западом, в отличие от времен холодной войны, существует колоссальная асимметрия. И эта асимметрия не позволяет, по крайней мере Западу, рассматривать отношения с Россией в качестве организующего принципа своей политики. Холодная война для США и для Западной Европы была таким организующим принципом. Сегодня то, что происходит в отношении США — Россия, и еще в меньшей степени — Россия — Западная Европа, не рассматривается в качестве центрального направления для соответствующей или американской внешней политики. Да, конечно, есть острое соперничество, есть конфронтация, но эта конфронтация, во-первых, сосредоточена сегодня в других областях, чем это было раньше, в экономической области, в информационной области, в политической сфере. Но многие другие области представляют собой по-прежнему поля сотрудничества, и несмотря на то, что США и Россия находятся в очень серьезном противоборстве на Украине, в таких вопросах, как иранский ядерный вопрос или вопрос о вывозе химического оружия из Сирии, США и Россия продолжают сотрудничать.

Тем не менее, если говорить о «холодной войне» как о балансе сотрудничества и соперничества, который всегда присутствует в отношениях между государствами, то этот баланс, очевидно, сместился в сторону соперничества, и, наверное, он будет находиться в этой сфере достаточно долго, пока это соперничество не приведет к какому-то результату. И в этом смысле можно говорить о том, что период, в котором мы находимся сейчас, в известной степени является современным аналогом холодной войны 40–50-х годов. Я бы даже сказал, что то, что мы сейчас наблюдаем, является в значительной степени расплатой за неудачу интеграции, для которой были возможности, были шансы, но которая не случилось, потому что эти шансы не были использованы. На мой взгляд, шансы были реальными, но не было достаточно серьезных побудительных мотивов для того, чтобы эти шансы превратились в действительность. И то, что мы наблюдаем сегодня, имеет значение не только для российско-американских, российско-европейских отношений, это имеет гораздо более широкое международное значение, это первое со времен окончания холодной войны столкновение между великими державами.

Многие из нас предполагали, что противоречия, которые объективно существуют, будут решаться иным путем в атмосфере после холодной войны, но мы пришли к аналогу того, от чего в свое время уходили. И, как это было с мировыми войнами — Первой и Второй, — нерешенность проблем послевоенного устройства приводит к новому столкновению. Это было после Первой мировой войны, и результатом стала Вторая мировая война. И я бы продолжил эту линию и сказал, что неспособность решить, если хотите, для Запада русский вопрос или российскую проблему — по аналогии с германской проблемой — оказалась фактором того же рода, который привел к новому обострению ситуации и к новому противоборству. Я могу также сказать, что с российской стороны также не было достаточных усилий, на мой взгляд, несмотря на то, что они были гораздо более целенаправленные, чем с западной стороны, для того чтобы Россия и Запад могли интегрироваться настолько, чтобы вопрос о столкновениях с потенциальной военной составляющей ушел бы навсегда в историю. Сейчас мы не говорим непосредственно о военном столкновении, но тот вопрос, который мы вынесли в заголовок сегодняшней нашей встречи, вопрос о санкциях, во многом является современным аналогом использования военной силы. Это, безусловно, суррогат войны, безусловно, в нынешних условиях, когда между Россией и Западом существует колоссальная асимметрия в экономических прежде всего инструментах силы, это придает санкциям очевидный односторонний характер, или преимущественно односторонний характер. Сравнительная дешевизна санкций, отсутствие серьезных рисков делают санкции довольно привлекательным инструментом для проведения политики.

Я думаю, что санкционная политика в последнее время также получила некоторую эмпирическую поддержку на примере Ирана, который оказался под санкциями и, как считается, в результате санкций изменил свою позицию по ядерной программе и движется в направлении какого-то соглашения с международным сообществом, в результате которого Иран откажется от создания или приобретения ядерного оружия. Существует, конечно, и другая практика применения санкций, довольно неоднозначная практика, но я думаю, что иранский премьер довольно сейчас привлекательно выглядит.

Современные санкции против России начались до Крыма, я бы сказал, что закон Магнитского явился своего рода первым выстрелом в санкционной войне. Санкции носят, как мы знаем, ступенчатый характер, волнообразный. Санкции имеют, на мой взгляд, определенную стратегию, хотя не очевидно, что эта стратегия способна принести успех тем, кто эти санкции предлагает. Есть идея развести Путина и его ближний круг — бизнес, экономические круги и Кремль, и наконец, народ Российской Федерации и

Владимира Путина. Вопрос, конечно, в том, насколько практика соответствует таким стратегическим целям. До сих пор, насколько я понимаю, санкции отчасти нанесли уже существенный ущерб российской экономике, усиливается бегство капиталов, существует мораторий на инвестиции, произошел коллапс фондового рынка. Те, кто высказывается в пользу санкций, говорят о том, что нужно терпеливо ждать, пока они будут работать на полную меру, нужно решительно действовать, неуклонно давить на Российскую Федерацию в течение длительного времени, нужно рассматривать санкции как инструмент долгосрочной стратегии, точно указывать красные линии, которые запрещено переходить, влиять на поведение оппонента. Есть надежда на то, что санкции не дадут России модернизировать экономику, Китай здесь мало чем может помочь, нефть когда-то может подешеветь. Но вот все эти рассуждения, которых я довольно много слышал на прошлой и на позапрошлой неделе сначала в Вашингтоне, затем в Брюсселе, тем не менее заканчиваются констатацией факта, что до сих пор санкции не оказали никакого практически воздействия на политику Российской Федерации и лично на президента Путина. Хотя в будущем, конечно, ситуация может измениться. Возможности для оказания давления, безусловно, есть, но опять-таки, несмотря на, казалось бы, огромные инструменты давления в руках Запада, использовать эти инструменты, как мы видели, оказывается довольно непросто.

Перед визитом канцлера Германии в США, как вы помните, германский бизнес, представленный более чем 6000 компаний, которые имеют бизнес в России, однозначно высказался против участия Германии в санкционной политике. Один из ведущих и наиболее уважаемых германских дипломатов Вольфганг Ишингер, который сейчас выступает в качестве посредника от ОБСЕ в межукраинском диалоге, публично говорил о том, что можно говорить о санкциях, но надо иметь в виду — он обращался к сенатору Маккейну, — что от санкций штат Аризона, от которого избран Маккейн, не потеряет ни единого доллара, в то время как возможные потери Германии могут быть гораздо более серьезными. Мои разговоры в Брюсселе, в Еврокомиссии меня на сегодняшний момент убедили, что при сохранении нынешней ситуации третьего пакета санкций ждать не приходится. И Европа — и Германия, и Франция, и Британия прежде всего — крайне негативно относятся и к санкциям, и к попыткам Вашингтона (на самом деле, об этом говорилось довольно открыто) реализовывать свою политику руками европейцев и за счет европейцев. И это, кстати говоря, признают некоторые серьезные и консервативные мыслители США. Многим из вас известно: Брюс Джексон на недавнем форуме в Братиславе натовском, по сути дела, форуме безопасности, предупреждал о проблемах разделения бремени. То, что американцы постоянно твердят своим европейским союзникам, указывая на недостаточность их усилий в поддержании военных бюджетов своих стран на соответствующем уровне, то же самое сейчас может быть обращено против США, когда очевидно США требуют от европейцев того, на что сами не пойдут. И это, в общем-то, подрывает союзнические отношения. Проблема не в России в данном случае, проблема в отношениях внутри Союза.

Не совсем понятно, в чем состоит цель санкций. В моих разговорах с собеседниками в Вашингтоне и в Брюсселе, особенно в Вашингтоне, — существует огромный диапазон: от возвращения Крыма Украине до смены режима в Москве. И реально оценивая ситуацию, санкции служат, по сути дела, одной цели, которую сегодня можно видеть. Это политическая самозащита администрации Барака Обамы, которому, конечно, нужно продемонстрировать достаточную жесткость во внешней политике, особенно в отношении России. И это заводит ситуацию, на мой взгляд, в тупик. Когда есть целый ряд мер, есть целый ряд довольно серьезных шагов, но за этими шагами нет стратегической цели и нет, собственно говоря, стратегии, это ведет ситуацию в тупик. Но,

по моим ощущениям, до конца срока пребывания администрации Обамы в Белом доме мы вряд ли увидим какие-то изменения в этом случае в отношении санкций.

Для многих в США и в Европе неприятным открытием было то, что санкции США и Европы не раскололи (по крайней мере, по-видимому не раскололи) российскую элиту и, возможно, способствуют ее национализации Кремлем, тем самым помогают президенту Путину возвращать капиталы в Россию и усиливать свой контроль над самими капиталистами тем самым. Эта политика привела к усилению... называйте это патриотизмом, называйте это национализмом, но, во всяком случае, к очень серьезному росту популярности президента среди огромного количества людей, укреплению такой связи с государством, которая для многих была утеряна после 1991 года.

Еще очень важным, хотя и неприятным моментом (хотя, на мой взгляд, его явно недооценивают, особенно в Вашингтоне) стал сдвиг оси российской внешней политики с Евроатлантики в другие направления. Я бы сказал, что Россия развернулась сразу в трех направлениях. Во-первых, это к самой себе, то есть это упор на уникальную цивилизацию, на особость по отношению к Европе, это поворот к Евразии, к бывшим советским республикам, к евразийскому интеграционному процессу, и третий разворот — это разворот к Азии, прежде всего, разворот к Китаю. И мы недавно были свидетелями подписания контракта между «Газпромом» и «Китайской нефтяной компанией», который, по сути дела, имеет такое же геополитическое значение, как в свое время формирование энергетического партнерства между Россией и Западной Европой. Это событие очень серьезного геополитического значения. И меня, честно говоря, очень — я не могу сказать «беспокоит», но привлекает внимание то, с какой легкостью США, включая Барака Обаму, в том числе в его последней речи, сводят Россию и Китай вместе как супостатов США, как противников «adversaries» США. Это мне казалось вроде бы не соответствующим американским интересам, казалось, нужно делать прямо противоположное, но сам факт того, что... хотя бы такие мелочи, как предъявление претензий китайским военным хакерам во время визита Путина в Шанхай, либо свидетельствует о небрежности, либо это серьезная недооценка ситуации. Я бы сказал, что сегодня, если проводить, как некоторые иногда делают, параллель между шанхайским свиданием Путина и Си Цзиньпина и шанхайским коммюнике 1972 года Никсона и Чжоу Эньлая, сейчас все стороны поменялись местами. И в той ситуации, в которой в 1972 году были США, сегодня оказывается Китай. Я понимаю, что, может быть, России от этого не много слаще становится, но я не понимаю, в чем интерес США — сводить Россию и Китай в таком антиамериканском союзе. Мне представляется, что, наверное, это тоже свидетельствует об уровне концептуализации американской внешней политики.

Когда я пытался выяснить, на каком уровне в Вашингтоне формируется российская политика, то я из многих уст слышал один ответ: собственно, есть два человека, которые ее формируют. С одной стороны, это Виктория Нуланд, а с другой стороны, это Ден Фрид. Это серьезно, это без сарказма. Потому что президент, безусловно, сфокусирован на совсем других вещах, госсекретарь Керри занимается Ближним Востоком и многими другими делами. Тот человек, может быть, один из двух людей в департаменте, который мог бы, действительно, серьезно предложить... какую-то серьезную, если хотите, стратегию развития отношений на российском треке, Билл Бернс, бывший посол в Москве и нынешний второй человек в государственном департаменте, во-первых, он уходит с 1 октября в отставку, во-вторых, пока он еще не в отставке, он занимается Ираном, который, конечно, для администрации имеет огромное значение. У него замечательная специализация: Россия и Ближний Восток. И в данном случае ближневосточное его направление в большей степени затронуто. И второй человек — это

известная моя коллега и предшественница Роуз Геттемюллер, она занимается проблемами ядерного разоружения. Этих проблем, наверное, будет больше. Насколько я слышал в Вашингтоне, наверное, многие из вас об этом тоже слышали, потому что это было в прессе, готовится довольно серьезный накат республиканцев на администрацию за то, что она позволяет России нарушать договор о средних ракетах (договор РСМД), и перспективы этого договора многими рассматриваются как очень мрачные. Договор в течение относительно близкого времени может перестать существовать.

Пожалуй, если чуть оторваться от темы санкций, я бы хотел еще сказать, что те люди, которые всерьез озабочены отношениями между Россией и США, считают, что на сегодняшний момент единственное, что остается делать, это как-то ограничивать ущерб, как-то налаживать какой-то минимум сотрудничества по Украине с пониманием того, что членства в НАТО для Украины не будет. Это я слышал и в Вашингтоне, и в Брюсселе. Германское правительство и лично канцлер не изменили своей позиции в отношении Грузии и Украины, их членства в НАТО, которую она заняла в 2008 году. Кстати, пока я летел в США, мне попала в Вене газета «Франкфуртер альгемайне», и там было огромное интервью канцлера Меркель. И оно поразило меня тем, что в этом интервью канцлер, при всей критике российской политики, которая была довольно четкой, но при этом умеренной, она сказала, что для многих и в Вашингтоне, и в Брюсселе является анафемой, она сказала, что Германия рассматривает Россию как стратегического партнера на среднесрочную и долгосрочную перспективу. Это мне показалось особенно интересным. Этому особенно много внимания американская пресса не придала. Я, приземлившись в Вашингтоне, стал смотреть американские газеты — там этого не было, но во всяком случае это было очень интересным. Обама, несмотря на его выступления довольно жесткие в отношении России, на мой взгляд, продолжает придерживаться все-таки достаточно умеренного подхода и по санкциям, и по другим мерам в отношении России, но, конечно, ни о каком улучшении отношений до конца его срока пребывания в Белом доме речь идти не может.

И в завершение несколько слов об ответе России на эти санкции и на всю сложившуюся ситуацию. Мы знаем список Рогозина, это двигатели, МКС, GPS. Мы знаем об упреждающих мерах финансового характера, которые были предприняты Россией в преддверии объявлений о санкциях. Мы видим поведение России на Украине и в отношении Украины, которое не дает повода для объявления третьего, наиболее серьезного пакета санкций, то есть санкции в энергетике и в финансовой области, собственно, две сферы, где действительно Запад мог бы нанести очень серьезный ущерб российской экономике. Мы видим, что Россия ведет себя достаточно сдержанно в отношениях с США, не втягиваясь в гонку санкций, и, я так понимаю, стремится переждать этот шторм и сохранить какие-то резервы. При этом ведется диалог с европейцами, при этом Путин едет на следующей неделе в Париж и в Нормандию. Углубление партнерства с Китаем, поиск других возможностей в незападном мире, но это все тактика. Какой может быть стратегический ответ? Я бы сказал так, что противоборство, которое сегодня наметилось между Россией и США прежде всего, — это факт, и это факт надолго, не на месяцы, наверное, на годы. Дальше трудно смотреть.

Неясно, насколько далеко преемники Барака Обамы будут идти в решении русской проблемы. Очевидно, что проблема заключалась не в империи, не в коммунизме, не в Советском Союзе, а в чем-то другом, поскольку этих факторов уже сегодня не существует. И поэтому решение русской проблемы, о которой говорят такие люди, как, скажем, Иво Даалдер, нынешний президент Чикагского совета по международным делам и недавний американский посол в НАТО, решение русской проблемы должно быть каким-

то иным, которое должно устранить Россию как беспокоящий фактор для американской внешней политики. Возможно ли это? На что готовы США идти? Если предположить, что та администрация, которая сменит Барака Обаму в 2016 году, действительно поставит такую задачу — смену режима в России, о чем некоторые говорят, но еще больше людей думает, это большой вопрос. Я бы сказал, что это достаточно серьезно, и я бы и к санкциям, и к другим мерам подобного характера относился бы достаточно серьезно, не стал бы издеваться и смеяться над тем, что санкции не работают. Они при определенных условиях могут заработать, и потенциал воздействия достаточно велик. Очевидно, что возврата к предыдущему периоду 1989–2014 годов не будет, но новый характер отношений пока совершенно неясен. Очевидно, что либо США признают российские интересы за пределами российских границ, либо с Россией должно что-то случиться, чтобы она таких интересов не выдвигала. Я думаю, достаточно серьезное противоречие, которое предполагает довольно острую борьбу. Так что я бы не исключал дальнейшего обострения ситуации и эскалации в том числе санкций.

Я думаю, что стратегический ответ России, наверное, будет исходить из того, что экономика является центральным фронтом, центральным интерфейсом нового взаимодействия и нового противоборства. Ставки для России, в отличие от США, исключительно высоки. Без экономического роста, с одной стороны, и без экономической технологической модернизации, с другой стороны, России обеспечен проигрыш, причем проигрыш стратегический и с очень серьезными последствиями. Я бы даже предположил, что если будет крупный проигрыш, то он может привести к очередной, третьей за 100 лет, национальной катастрофе. И в этой связи мне видятся три пути. Один путь, который я бы предпочел и о котором я бы мечтал, но который, на мой взгляд, является все-таки менее вероятным, это использование кризиса для решения накопившихся внутри страны проблем, для создания новой экономической модели, для создания новой промышленности, в том числе для выхода из того тупика, в котором находится сегодня российская экономика, привязанная к нефтегазу, и соответственно, российская экономическая политика. Это новая политическая система, которая основана на меритократии, а не на коррупции, и т. д., можно говорить по списку, список очень длинный. Но я думаю, что каждый из нас этот список держит в голове. Для меня, как и, наверное, для всех, это был бы наиболее желательный выход использования той максимы, которую в свое время провозгласил первый обамовский начальник штаба Рам Эмануэль: «Never waste a good crisis!». Надо кризис использовать, нельзя игнорировать те возможности, которые существуют в кризисе. Другой вариант — это то, что можно наблюдать сегодня уже: это закручивание гаек, это мобилизационная экономика, это государство-крепость, это гонения на инакомыслящих, это выдавливание недовольных за пределы страны, или, по крайней мере, исключение какого бы то ни было влияния со стороны несогласных, но при процветании всех язв российского общества, о которых мы хорошо знаем. Я думаю, что это путь к национальной катастрофе.

Но есть еще третий вариант. И я думаю, что этот третий вариант более вероятен, чем остальные. И о нем я бы, по крайней мере, пригласил бы задуматься. Если первый ход — это вверх, второй ход — это вниз, то третий ход — это на восток. Это, фактически, превращение и в экономическую, и в политическую колонию — может быть, будет неправильно сказано, но доминион — тоже не китайское слово, называйте это улусом, скажем, Китая. Я думаю, что это, пожалуй, на сегодняшний день наиболее вероятный выход из той ситуации, в которой мы находимся. Хорошо это для России, плохо это для России, это вопрос для обсуждения. Ясно, что если ситуация будет идти в этом направлении, то это будет новая эпоха во многих отношениях: и в российской внешней политике, и во многих отношениях в российской экономической и внутренней политике.

И на какое-то время Россия, как это было в прошлом, может стать политически и экономически частью Азии. И эта Евразия, которая когда-то, еще совсем недавно, Владимиру Путину виделась как простирающаяся от Лиссабона до Владивостока, будет простираться от Шанхая до Петербурга. Вот, наверное, на этой ноте я бы остановился и предоставил бы вам слово. Спасибо большое за ваше внимание.

Мендкович. У меня маленький вопрос. Никита Мендкович, эксперт Российского совета по международным делам. У меня маленький вопрос-комментарий по двум пунктам. Прежде всего, в том, что касается санкций, в докладе прослеживается некоторая дихотомия. С одной стороны, заявляется, что санкции уже начали наносить вред экономике, вплоть до коллапса фондового рынка (я, честно говоря, сам играю на бирже, но этого коллапса почему-то не заметил). С другой стороны, в конце было подчеркнуто, что санкции могут начать работать при определенных условиях. Видимо, подразумевается третий пакет. Мне не вполне осталась ясна эта дихотомия, все-таки какого взгляда придерживается автор доклада?

И второе, меня, честно говоря, смутили некоторые откровенно сомнительные ссылки. Например, указание на то, что у нас сейчас происходят гонения на инакомыслящих. Мне это утверждение кажется, извините, анекдотическим. Чего нет, того нет. Скорее происходит политическая переориентация части оппозиции в связи с ситуацией на Украине. Я просто знаю факты, когда те, кто недавно выходил на Болотную, сейчас едут в Донецк поддерживать тех, кто выступает против киевского режима. Поэтому я бы не назвал это выдавливанием, их никто не выдавливает, это просто переоценка ценностей у людей происходит, такой сугубо органический процесс. Долго распространяться не буду, я думаю, здесь много желающих высказаться, поэтому спасибо.

Воркунова. Спасибо. Воркунова, ИМЭМО РАН. Большое спасибо за такое выступление и доклад, который нас наталкивает на много вопросов и размышлений. Мне бы хотелось узнать вашу точку зрения, как повлияет растущее противоборство между США и Россией на перспективы освоения Арктики и вообще этого сюжета арктического, поскольку Китай также как наблюдатель входит в Арктический совет, и, по-моему, в этом году откроется Арктический совет, непосредственно секретариат в Тромсё. И, соответственно, это все будет развиваться в какой-то степени.

Погорелый. Дмитрий, а у меня вопрос немного в развитие, в продолжение. Каким образом может сказаться на развитии ситуации формирование того самого евразийского пространства, но в путинском прочтении? То есть не от Шанхая, а, условно говоря, от станции Достык до Петербурга, вот этого маленького евразийского пространства, которое формируется сегодня и, возможно, вступит, как ожидается, в силу в следующем году с дальнейшим развитием. Будет ли это фактором или это станет частью формирования того самого большого улуса?

Кувалдин. Виктор Кувалдин, МГУ. Дмитрий, прежде всего, конечно, приятно вас снова видеть на исторической родине. Не знаю, как другие...

Тренин. Я прилетел ненадолго.

Кувалдин. Это зависит от того, как принимать «долго». Не знаю, как другие, я остро чувствовал ваше отсутствие, хотя благодаря вашей любезности мог читать то, что вы писали, находясь в Вашингтоне. У меня такой вопрос, вы оставили его в стороне, а он, наверное, имеет принципиальное значение. Все-таки, по моему ощущению, плавно, с

какими-то возвратами, но США начали спуск с вершины, если считать, что на вершине они были в 90-е годы и в первой половине первого десятилетия этого века. Если вы разделяете это ощущение, то как это может повлиять на всю картину в целом?

Коротченко. У меня маленькая реплика. Игорь Коротченко, журнал «Национальная оборона». Во-первых, было очень интересно послушать то, что, действительно, сегодня в Вашингтоне российской политикой занимается всего несколько человек. И это где-то импровизация, а где-то вкусовщина, потому что, действительно, ожидание некоего грядущего сильного удара от первой и второй волны санкций, оно не оправдалось. Санкции абсолютно беззубы. На мой взгляд, все-таки это свидетельство того, что, во всяком случае, и в госдепартаменте, и в других американских структурах, которые занимаются Россией, нет четкого понимания наших болевых точек. Меня лично это радует хотя бы потому, что вторая волна санкций фактически была калькой рекомендаций, которые давал в своем блоке Алексей Навальный. И если, скажем, госдепартамент берет это за основу тех или иных решений в отношении санкций против России, это вызвало глубокое изумление и, честно говоря, улыбку. То есть это не профессиональный подход. И общее мнение, что раньше, в эпоху «холодной войны», в США был профессиональный корпус тех, кого называли кремленологами, кто занимался профессионально Россией, сегодня фактически профессионально Россией никто не занимается, за исключением, может быть, людей, которые здесь работали. Вот Роуз Геттемюллер. И в то же время человек, который занимался профессионально Россией, я имею в виду предшествующего американского посла, его миссия завершилась, по большому счету, неудачей, поскольку он был некий идеалист, и во многом это способствовало, что те задачи, которые должен был решать Майкл Макфол, они остались не решены с точки зрения США.

Я не согласен с тем тезисом, что Россия может при том или ином варианте развития событий стать неким придатком Китая. На мой взгляд, это исключено, и лучшим свидетельством этого является то, что несмотря на очень сильное желание Пекина подписать контракты в ходе визита президента Путина в Шанхай, например по С-400 и по Су-35, анонсировано не было. Не было по двум причинам. Первое, что Россия понимает риски, связанные с тем, что Китай может дальше наладить промышленное клонирование данных систем вооружений и в дальнейшем выступать конкурентом России на тех или иных региональных рынках вооружений. И несмотря на желание китайцев, без решения вопросов защиты интеллектуальной собственности контракты заключены не были.

В целом Россия будет прагматично смотреть на варианты развития отношений с Западом. Могу сразу сказать, что мое ощущение, основанное на соответствующих разговорах и контактах, говорит о том, что Москва не заинтересована в такой сильной конфронтации. По сути дела, Путин ведет себя исключительно сдержанно, я бы сказал, даже уважительно к Обаме, несмотря на то, что оттуда, из Вашингтона, периодически звучат очень сильные и нелестные эпитеты на то, что происходит сегодня в России и на Украине. Но позиция Москвы очень сдержанная, прагматичная в этом плане. На мой взгляд, это свидетельство того, что Путин не то чтобы держит паузу, он сознательно не втягивается и не дает горячим головам подтолкнуть себя и Россию к лобовой военно-политической конфронтации. Она не нужна, это будет растрата ненужных ресурсов, интеллектуальных усилий, финансов. И, по большому счету, не принесет России абсолютно никаких дивидендов. Поэтому политика Кремля будет абсолютно прагматичной, в том числе и в этой ситуации.

И во многом реакция Москвы на события в Украине носила вынужденный характер. Никто, конечно, не ожидал, что так Крым, как спелое яблоко, упадет в российские руки, об этом три-четыре месяца назад никто даже не думал в качестве практического сценария. По сути дела, ошибки, которые были допущены украинским руководством и госдепартаментом США, их партнерами из ЕС, прежде всего Варшавой, привели к тому, что фактически Крым в силу естественных причин был потерян Украиной. И, на мой взгляд, навсегда. Никакие санкции не позволят вернуть его назад.

Какие риски я вижу? Прежде всего, риск того, что будет установлен плотный контроль над российским импортом на Западе. Это возрождение в том или ином виде контроля, причем в худших формах, характерных для конца 70-х — начала 80-х годов, когда речь может пойти о тотальном контроле и запрете на поставку в Россию высокотехнологичного оборудования, обрабатывающих центров, станков-автоматов, запчастей и всей гаммы расходных материалов для их эксплуатации. В качестве варианта, очевидно, будет переориентация на аналогичные товары в АТР, хотя, конечно, сразу скажу, что Германия как партнер для нас гораздо более предпочтительна при покупке станков и обрабатывающих центров, чем тот же самый Китай, Гонконг или Южная Корея.

Еще на что хотел бы обратить внимание — буквально на днях прошла конференция по безопасности в Москве, которую проводило Министерство обороны. Как известно, в силу известных причин наши прежние партнеры из НАТО ее полностью проигнорировали. Но у меня сложилось впечатление... На что было обращено внимание в ключевых докладах, с которыми выступил начальник российского генштаба, министр обороны Белоруссии, министр обороны Ирана, ряд других крупных фигур. Главный риск — цветные революции и определение технологий парирования этих цветных революций, причем не на уровне, скажем, лозунгов, а на уровне понимания глубинных процессов, в том числе с использованием и социальных сетей, сетей Интернета. То есть это осмысливание механизма общественно-политической дестабилизации как форма смены власти и привода к власти новых политиков — оппозиционных либо тех, кого будет стихийно выдвигать улица. Идет очень серьезное осмысление. В этом плане это была, совершенно очевидно, антиамериканская конференция. Я бы сказал, что это была «порка» США. Может быть, это очень сильно звучит, по крайней мере в ряде выступлений антиамериканские ноты присутствовали либо явно, либо завуалировано, с намеками, но это была консолидация тех делегаций, тех стран, которые приехали на эту конференцию, против США.

И касаясь китайской темы. Вы знаете, Китай в предшествующий период очень сильно хотел, чтобы Россия принимала участие в ряде военных мероприятий, учений и других подобного рода мероприятий с явной антиамериканской направленностью. Могу сказать, что Кремль дистанцировался от такой настойчивой попытки наших китайских партнеров продемонстрировать антиамериканизм, это было абсолютно очевидно и правильно. В нынешних условиях я не думаю, что для Кремля стремление уколоть США, нажать на какие-то болевые точки будет принципом будущего партнерства с КНР.

И наконец, по проблематике сотрудничества. Я считаю, что в любом случае НАТО и США являются партнерами России, невзирая на существующие разногласия, по двум ключевым темам. Это Афганистан, потому что будущее этой страны во многом определит и воздействие на вопросы мировой безопасности и стабильности. Здесь партнерство абсолютно необходимо с точки зрения укрепления тех институтов государственной власти, которые существуют в Афганистане. И в этом плане радует разумная позиция Пентагона, который выступает за продолжение закупки российских вертолетов с целью

повышения мобильности афганских сил безопасности и вооруженных сил. Вторая, не менее важная проблема совместных усилий с Западом, это борьба с международным терроризмом. Потому что в любом случае здесь не может быть двойных стандартов, это общая, одинаковая угроза, которая затрагивает в равной степени и наши интересы, и интересы Запада.

И наконец, мне представляется, что Россия не будет вводить те санкции, о которых было объявлено, против США. Речь идет об уже упоминавшейся МКС — однозначно Россия не будет прекращать предоставление услуг по доставке экипажей на МКС. Разумеется, Россия будет продолжать поставлять титан «Боингу», в том числе и готовые изделия, поскольку это чрезвычайно важно для этого сегмента экономики, который действует на Урале, в Верхней Салде. Не думаю, что Россия также прекратит поставки двигателей в рамках тех контрактов, которые выполняются с США. Но что касается закрытия станций коррекции сигналов GPS, это вполне вероятная санкция. Но, по большому счету, это приведет лишь к тому, что использование высокоточного оружия, основанное на принципах глобальной навигации с опорой на системы GPS, будет более затруднительно, там понизится точность. Но обычные потребители российские, даже если Россия прекратит деятельность этих корректирующих станций GPS в России, никоим образом не пострадают, поскольку для рядового потребителя точность 5 или 10 метров определения на местности абсолютно не принципиальна, как и для использования различного рода гаджетов.

Таким образом, резюмируя, я с осторожным оптимизмом смотрю на то, что, невзирая на эти противоречия, которые совершенно явно обозначились как тенденция во взаимоотношениях России и Запада по украинской проблеме, тем не менее остаются точки для сотрудничества, для партнерства хотя бы по таким узким, специализированным сферам, но это партнерство обязательно надо продолжать.

Жарихин. Владимир Жарихин. Можно я короткий вопрос добавлю? На прошлой неделе у меня была в «Известиях» статья, где я высказывал, как и Дмитрий, удивление по поводу подталкивания США России в сторону Китая, и высказывал определенную версию — может быть, наивную, я не знаю. Поэтому и хотел бы спросить: не почувствовали ли вы в Вашингтоне, что в политике Обамы по отношению к России и к Путину лично есть некий личностно-психологический фактор, который иногда воздействует на его позицию даже больше, чем реальные, коренные интересы государства США?

Кувалдин. Дмитрий, а можно добавить к этому вопросу очень короткий вопрос? И не сыграло ли здесь очень большую роль дело Сноудена?

Тренин. Я думаю, что в политике государственные деятели являются в той же степени людьми, как и мы все с вами, поэтому, конечно, они подвержены. Я думаю, что дело Сноудена, безусловно, было личной пощечиной Обаме. По крайней мере, он так это воспринял. Я думаю, что это явилось той последней каплей, которая заставила его принять решение не ехать в Москву на саммит в прошлом году. Я не думаю, честно говоря, что это оказывает более фундаментальное значение для выработки американской политики, поскольку мое впечатление о президенте США, с которым я никогда лично не встречался, скорее говорит о том, что это довольно холодный человек, для которого личностные отношения не имеют такого первостепенного значения, как это было, скажем, для его предшественника. Он довольно далеко — на расстоянии, может быть, двух вытянутых рук — держит практически всех остальных мировых лидеров. У него другой склад ума, и я думаю, что вряд ли оказало настолько большое влияние. С другой стороны,

я бы сказал, что, наверное, на президента России оказывало влияние то, как к нему относились и Обама, и другие лидеры «восьмерки», когда они проигнорировали фактически саммит на Олимпийских играх в Сочи и т. д. Так что, конечно, этот фактор существует, и он иногда оказывается решающим.

Но я думаю все-таки — это мое личное впечатление, — что в политике Обамы в отношении России нет России. И, собственно говоря, никогда не было. Потому что «перезагрузка», если мы отойдем на пару лет назад, которую прекрасно предложил наш знакомец и бывший посол США в Москве Майкл Макфол, она имела исключительно инструментальное значение для Обамы: надо было решить афганскую проблему, надо было решить иракскую проблему. И вот Макфол предложил, как это можно сделать с учетом неиспользованного ресурса отношений с Россией, которые, к тому же, загубила предыдущая администрация. Поэтому следующая администрация по традиции исправляет ошибки своего предшественника и т. д. Перезагрузка вышла на первое место в американской внешней политике при Обаме, потому что все остальное провалилось (не было удачным, не было результатов — ни Ближний Восток таких результатов не дал, ни Иран в то время). Основные проблемы американской внешней политики, Китай — там не было значимых, существенных результатов, а здесь были. И поскольку вы работаете в условиях демократии, то есть в условии постоянной политической конкуренции, и вас постоянно критикуют за все абсолютно в вашей политике, вы должны показывать какие-то свои достижения. И вот это было достижение, которое в глазах многих стало означать какой-то особый разворот Обамы в отношении России, чего никогда не было, на мой взгляд. Это что касается первого вопроса.

Что касается других вопросов. Никита, честно говоря, дихотомии, наверное, нет, но я бы сказал так: конечно, санкции какую-то роль играли, и они играют, и наверное, они неприятны для кого-то, и конечно, выводить какие-то средства в пожарном порядке, это тоже... Это проблемы, может быть, не катастрофические. Но я понимаю, что коллапс рынка был довольно кратковременным и не связанным с санкциями (но с санкциями в том числе), но когда разговариваешь с западными бизнесменами, они очень тревожатся, очень озабочены. И санкции являются фактором. Те, кто приехал в Россию, кто здесь делает деньги, они, скорее всего, не уйдут. А те, кто думает... По крайней мере, я не являюсь экономистом, я не могу говорить со своих слов, я говорю с чужих, и чужие голоса людей из бизнеса мне говорили, что для притока новых инвесторов это плохо. Поскольку Россия нуждается в инвестициях в том числе... Опять-таки, я, наверное, не тот человек, который должен обсуждать экономические сюжеты. Я поэтому их проеду. А гонения на инакомыслящих и т. д. — это возможная и, на мой взгляд, очень плохая перспектива, это не сегодняшний день, поэтому я говорил о таком сценарии развития, который, я надеюсь, не произойдет.

Освоение Арктики будет продолжаться, хотя резкое ухудшение отношений с Канадой имеет, наверное, большее значение для этих перспектив, чем американо-российские отношения. Но Арктика, на мой взгляд, все-таки не только регион соперничества, но в значительной степени регион сотрудничества, и я бы сказал, что, скорее всего, сотрудничество здесь будет не меньше 50%. Соперничество тоже увеличится, но большой массив сотрудничества сохранится.

Интересный вопрос о евразийском союзе. Наверное, многие из вас или некоторые из вас обратили внимание на интересный недавно опубликованный материал господина Сатпаева из Казахстана о переходе на крымское время в отношениях между Россией и странами СНГ, в частности, партнерами по евразийской интеграции. На мой взгляд, там

четко изложены те сомнения и те озабоченности, которые существуют у части казахстанской элиты. И поскольку Казахстан в обозримой перспективе ждет смена власти, и как говорит об этом Сатпаев, могут прийти более националистически настроенные круги, то мы можем увидеть какие-то новые и, может быть, не очень приятные элементы в политике Астаны в отношении Москвы. Потом, нашим партнерам в Евразии не хочется расплачиваться за политику Москвы. Точно так же, как американским партнерам не хочется расплачиваться за Вашингтон, это понятно, каждое государство заботится о своих интересах. Поэтому я считаю, что ситуация с санкциями в том числе, она несколько напрягла те страны, особенно которые удивительным образом являются формальными союзниками Российской Федерации и партнерами в евразийской экономической интеграции, и в то же время прокламируют многовекторную экономическую политику. Здесь все-таки какая-то ясность должна быть, хотя когда она появится, она может быть не очень приятной.

Я думаю, Виктор, что вчерашняя речь президента Обамы, где он очень много говорил об американском лидерстве... знаете, когда вы много о чем-то говорите, значит вы чувствуете здесь проблему. Если проблемы нет, то зачем говорить? Всем и так все ясно! Я думаю, что это есть, это ощущается, это грядет. Но это будет означать фундаментальное изменение некоторых на сегодняшний день практически аксиом американского внешнеполитического мышления. Потому что надо сказать, что отсутствие конкуренции на любом уровне и в любых сферах — вещь не обязательно здоровая. И отсутствие геополитической конкуренции и идеологической конкуренции для США, в общем-то, фактор скорее ослабляющий и расслабляющий, чем фактор роста и совершенствования. Я думаю, что проблема США в отношениях с Россией заключается в том, что моральный климат в Вашингтоне сегодня таков, что представить возможность компромисса между США и любой другой страной, особенно Россией, просто невозможно. Могут быть какие-то торговые компромиссы, но вот геополитический компромисс — невозможно. Это моральное предательство, как можно! И, на мой взгляд, это очень серьезная проблема.

Игорь, последнее у меня. Я не настаиваю, конечно, на третьем восточном варианте. Как вы понимаете, я его подбросил для обсуждения, потому что мне он представляется достойным. Я имею в виду сближение с Китаем и восприятие Россией китайского лидерства. Не потому, что Россия стремится стать придатком Китая, или стремится уйти в Азию, или что-то еще. Просто из-за очевидной необходимости сотрудничества с Китаем в условиях, когда и если санкции США и их союзников достигнут такого уровня, когда Китай останется единственной крупной экономикой, не затронутой санкциями. И тогда разные сценарии могут быть. Поэтому я согласен с тем, что российская политика стремится не давать предлогов и поводов для того, чтобы особенно Европа последовала за американскими призывами к санкциям. Я тоже, как и вы, отмечаю сдержанность в отношении поставок Китаю некоторых систем вооружения. И я бы добавил еще один фактор, который, конечно, для России важен, — это японский фактор. Японцам, конечно, не понравилась бы, мягко говоря, сделка между Россией и Китаем о поставках Су-35 или С-400. И конечно, Россия имеет в виду развитие отношений с Японией. Россия имеет в виду, на мой взгляд, использование интереса нынешнего премьер-министра Японии к развитию стратегических отношений с Россией. Это серьезная возможность, на мой взгляд. Будет она реализована, не будет она реализована, сказать трудно. Но очень важно, что японский премьер-министр, несмотря на практически всеобщий отказ западных лидеров встречаться с Путиным, хотя на следующей неделе такая встреча состоится, но это не совсем встреча, не совсем саммит, это что-то... но японский премьер-министр недавно подтвердил, что он ждет этой осенью президента

России в Японии и возлагает надежду на этот визит. Так что я думаю, что этот фактор серьезен, и наряду с Южной Кореей и другими развитыми экономиками Азии... конечно, Япония, может быть, не наряду, а выше находится в этом же ряду.

Конечно, естественно, в тех условиях, в которых мы сегодня находимся, в отличие от периода «холодной войны», почему, собственно говоря, нельзя совмещать эти два периода, партнерство сохраняется: в Афганистане в отношении терроризма, в Сирии и в Иране, и в целом ряде других направлений. Пожалуйста!

Полтерович. Виктор Полтерович, РАН. Спасибо за блестящий доклад. У меня есть пара комментариев и один вопрос. Я совершенно согласен с тем, что санкции нанесут и уже наносят очень существенный вред России, прежде всего, ограничивая возможности России по заимствованию технологий и привлечению специалистов, что необходимо для совершенствования человеческого капитала в России, ограничивая наши возможности и экспорта, и целый ряд других.

В течение многих лет я, наблюдая за американской политикой, удивлялся ее внешнему непрофессионализму и полагал, что я чего-то просто коренного не понимаю, поскольку я экономист, а не политолог. Я очень рад, что вы отметили эту черту американской политики. Хотя по-прежнему остается вопрос, не скрывается ли за этим внешним непрофессионализмом просто наличие других целей или, возможно, неадекватные установки американской элиты? И в связи с этим у меня вопрос. Когда мы делаем прогноз на среднюю и долгосрочную перспективу, мы должны также принимать во внимание возможность изменения этих установок и возможность коренных изменений в американской политике. Что бы вы могли сказать по этому поводу?

Сатановский. Несколько маленьких комментариев, потому что я как раз из бизнеса и, может быть, восполню ту лакуну по общению с бизнесменами, которая есть теоретически. Когда у вас существует правительство и высшее начальство, называйте его хоть генсеком, хоть государем-императором, хоть президентом, которое достаточно твердо ведет свою линию, не важно, линия эта может быть гениальной или идиотской, но начальство предьявляет достаточно жесткую позицию, у вас число инвесторов растет. И достаточно часто общаясь с большим количеством людей из разных стран — Израиля, Турции, Арабского мира, я вам свидетельствую, что стоит достаточно длинная линия людей, которые сегодня, например, готовятся идти в Крым. Далеко не только из Китая. Тот же самый глубоководный порт, мост... Но есть и все те же самые люди из блока стран НАТО, которые, безусловно, работая в России или на крымском направлении, выведут те фирмы, которые не будут работать в США. Это есть реальность, данная нам в ощущении. Когда у вас правительство похоже на йогурт, то есть непонятно, куда оно потечет, а воровать оно ведь все равно не перестанет, тогда да, тогда у вас с инвестициями есть проблемы.

По импорту технологий. Нет никакого импорта технологий, когда вам не передаются скрипты, софт, не передаются пароли, и когда любой ваш станок можно остановить в любой момент, а вы с ним сделать ничего не можете. Большой привет Чубайсу, я неплохо знаю оборудование, которое позакупало «Роснано». В этой ситуации то, что у нас проснулось высокое начальство — это же по «Мистральям», по всему практически остальному спектру — и вдруг осознало, что у него никакого импорта технологий нет, у него есть импорт железа, над которым оно не властно, и как оно устроено, оно не очень понимает, нет передачи этих технологий, — это хороший фактор.

Третья вещь. Наши опасности, связанные с тем, что страна развалится, не зависят от санкций. Есть определенные закономерности исторического развития, они какие есть, такие есть. В 2014 году у нас 200 лет взятия Вашингтона британским десантом, когда спалили Капитолий и Белый дом. Это же не мешает сегодня Великобритании работать с США! Сотня лет от Первой мировой войны. Единая была же Европа? Единая. Уровень взаимной дружбы элиты был такой, который нам и не снится. Поэтому тут немного другие закономерности. И кризис этот был со всей очевидностью неизбежен. По Грузии его обсуждали. Мне довелось с Кондолизой Райс пытаться что-то говорить по поводу того, что такое разведение барбекю в вашей гостинной. Если Грузия такой была, что же говорить об Украине? Это была абсолютно неизбежная вещь! Значит надо дожить до конца срока Барака Хусейна Обамы, посмотреть, что будет со следующим президентом. Ничего страшного!

Смотрите, здесь ситуация по падению экономики, она не имеет никакого отношения к санкциям. Никакого! Крах конца прошлого года с почти остановкой черной металлургии — это не санкции, а это законодательство наше собственное, это собственный вывод капитала руководством различных, в первую очередь госкорпораций, никакого влияния на размеры покраденных денег санкции не имеют. Они как выводились, так и выводятся. Есть только большой плюс, если их, наконец, перестанут вывозить, потому что надо будет менять направление движения, либо просто головы оторвет начальство. За это большое спасибо, на самом деле. Потому что здесь не передвижение капитала, а здесь нормальный отток денег из страны.

И самое последнее. Погром Академии наук наш организован высоким руководством под распил бюджета. Когда ФАНО уделяет сегодня основное свое внимание на имущество, это внутрirosсийская проблема. Идиотская болонская система, которая гробит старую добрую немецкую систему образования, которая работала под перевод на бакалавриат, магистры и все остальное, это все абсолютно внутренние вещи. То есть по инерции значительная часть элиты (если не большинство, от Сердюкова и дальше можно перечислять бесконечно группы) все равно продолжает работать на переделку под распил и перепродажу. Сегодня ситуация изменилась: у них не купят. Хорошо, может быть, часть страны останется и какое-то время просуществует, может быть даже и долго.

Кроме того, через полгода начнется у нас на Украине тяжелый коллапс, это максимум. Ничего Порошенко не сделает того, что не мог сделать Янукович. И в этой ситуации вопрос просто состоит в том, чтобы она Вьетнамом стала не для нас. Если она станет для наших коллег, видение меняется в этой ситуации, никому не хочется терять деньги, людей. Если визы введут, то безвизовый режим Украины с Западом — слава Богу, в Западную Европу наконец пойдет тот поток хорошо вооруженных бандитов, который там уже работал на польских и чешских дорогах в 90-е годы. Я подозреваю, это довольно сильно изменит видение и развитие демократической Украины и роль России в процессе. Давайте подождем! Есть такой термин — «работа ожидания». Я бы не сказал, что он сегодня работает против Российской Федерации. Нервничать, конечно, мы привыкли про все, но что теперь поделать!

Кисриев. Энвер Кисриев, РАН. Вы хорошо очертили возможные направления движения России после того, что сейчас произошло. Это вверх — это серьезное, существенное изменение политической, экономических структур, систем. Вниз — это ошетиниться и замкнуться. И наконец, под Китай, так сказать. Учитывая ваше знание американской внешней политики, что вы думаете, какой путь был бы предпочтительней

именно для США, какой бы они предпочли бы для России? И в этой связи, не начнется ли сейчас в связи со всем этим поддержка американцами сепаратистских настроений, которые существуют в России и не ослабевают?

Кречетников. Артем Кречетников, Русская служба BBC. У меня короткий комментарий и три вопроса. Еще со времен Советского Союза обычно каждый действующий президент США для нас был нехорош, и всегда выражалась ни на чем не основанная уверенность, что следующий будет лучше, потому что великий Советский Союз — а в наши дни великая Россия — до того значителен, что Америка без него трех дней не проживет, и должны же там когда-нибудь избрать президента, который это будет понимать! А в реальности каждый следующий президент с нашей точки зрения оказывался хуже своего предшественника. Как вы полагаете, в какой степени события на Украине могут простимулировать приход в Штаты в 2016 году, условно говоря, нового Рейгана?

Вопрос второй: вы назвали в качестве [одной из] точек соприкосновения, где Вашингтону и Москве так или иначе придется сотрудничать, Афганистан. До недавнего времени превалировала точка зрения, что после ухода сил коалиции из Афганистана возвращение к власти талибов практически неизбежно, и тогда, действительно, Вашингтону и Москве придется на этом поле сотрудничать, нравится им это или нет. Сейчас уж, не знаю, к счастью или к сожалению, мы видим, что дела в Афганистане обстоят лучше, чем ожидалось: демократические выборы, мирная передача власти. И если дальше так пойдет, то, собственно, в чем здесь сотрудничать?

И третий вопрос: как вы полагаете, возможно ли введение каких-то новых, дополнительных санкций Запада против России в свете того, что касательно Крыма? Что сделано, то сделано, так или иначе, больше вроде бы ничего плохого Москва не делает, так за что еще какие-то санкции? Спасибо.

Тренин. Я тогда воспользуюсь этой паузой для того, чтобы прокомментировать и ответить на вопросы. Наверное, было бы неправильно говорить о том, что американская внешняя политика является непрофессиональной. Я думаю, что те люди, которые ее реализуют, очень часто являются вполне профессиональными дипломатами и довольно эффективными бюрократами, потому что это тоже необходимо. Я думаю, что названные мною люди вполне подходят под эту категорию. Проблема в другом, проблема в отсутствии более высокого и более широкого взгляда на эти отношения. Когда отношения США, в общем, с довольно важной страной — как бы ни относиться к России, к Путину, еще к чему-то — отдаются на откуп заместителям министра, то это фактически гарантирует отсутствие какой-то серьезной стратегии. Это больше реализация шагов, каждый из которых может быть важным и целесообразным, но эти шаги не укладываются в какую-то общую стратегию, направленную на конкретную цель. Вот цели я не вижу, честно говоря. Был вопрос, какими бы хотели США видеть Россию. Я думаю, что на этот вопрос есть очень простой ответ, но этот простой ответ не очень реалистичен. А вот из того, что реально возможно, на мой взгляд, ответ отсутствует. Говорят о том, чтобы Россия не вторглась на Украину, говорят о том, чтобы Россия не вторглась в Польшу и до этого — в страны Балтии. По оценке западноевропейцев, эти страхи восточноевропейцев характеризуются в частных беседах как паранойя. Но они присутствуют, существуют и усиливаются теми группами, которые оказывают влияние на внешнюю политику США. Надо иметь в виду, наверное, что для такой крупной и очень сложной страны, как США, внешняя политика является результирующей очень многих сил, которые на нее влияют. И в конце концов, она занимает далеко не первое место в

перечне приоритетов любого американского президента. Поэтому для господина Обамы — и за это его очень многие корят — внешняя политика не является приоритетной областью, где он сам действительно мог бы проявить свой талант государственного деятеля, или свои аналитические способности, или свое стратегическое мышление. Обама заявил о развороте к Азии тому назад уже почти три года, два с половиной года. И что мы увидели с тех пор? Не много! То, что говорил вчера президент США, во многом является ответом критикам. А критиков очень много, поэтому и ответ получился очень длинный.

Я бы сказал, что проблема — и это связано с тем вопросом, который Виктор Кувалдин задал раньше, — я думаю, что США требуется, наверное, какой-то новый внешнеполитический опыт для того, чтобы осознать необходимость более целенаправленной внешней политики и более реалистичной внешней политики. Обама пошел, в принципе, по правильному пути сокращения внешнеполитических обязательств США. И за это, я думаю, надо сказать ему спасибо. Я думаю, что от этого хорошо стало США, что США, например, не влезли в конфликт в Сирии. Это хорошо, и для всех, наверное, хорошо. Но это только одна из сторон, может быть, самое важное, что сделал Обама. Другие вещи гораздо менее впечатляют. Я бы сказал, что поиск каких-то потаенных целей американской внешней политики, что за таким непрофессиональным или размытым фасадом существуют какие-то очень серьезные цели, которые вырабатываются кругом каких-то очень серьезных и глубоко законспирированных людей, — наверное, это из области конспирологии. Этого нет, я никогда этого не чувствовал, я думаю, что этого на самом деле нет.

Какой путь все-таки для США предпочтительней? Я думаю, для США должен был быть предпочтителен евроатлантический путь России. И для этого российское руководство, в том числе господин Путин и господин Медведев при господине Путине, создавало по крайней мере две реальные возможности. Эти возможности не были использованы, я думаю, не из-за недостатка желания у российской стороны. Я думаю, те условия, на которых Россия могла интегрироваться, показались неприемлемыми для США.

Будет ли следующий президент лучше или хуже? Я думаю, что если следующим президентом будет госпожа Клинтон, что возможно, но не обязательно (потому что есть масса проблем, в том числе проблем с неожиданной стороны, например состояние ее здоровья и т. д.), это будет президент, которого в значительной степени мы уже знаем, и примерно можем представлять, какую линию будет проводить госпожа Клинтон в том числе на международной арене, и в том числе в отношении России. Будет ли новый Рейган? В том смысле, что придет президент, который сможет опять наполнить США энтузиазмом, — может быть. Американцы периодически проходят через такие циклы. Барак Обама стал президентом на волне колоссального энтузиазма после президентства Буша. Не знаю, будет ли еще всплеск энтузиазма или нет. Наверное, какой-то будет, потому что все-таки есть необходимость в постоянном обновлении, и США в принципе устроены так, что они постоянно обновляются. И выборы президентов, смена президентов и, может быть, иногда чрезмерные жесты, направленные на то, чтобы показать различия вновь пришедшего президента и предыдущего президента, это, конечно, все есть и помогает в какой-то степени. Но я думаю, что Америка сегодня находится в ином состоянии, чем она была при Джимми Картере, я думаю, что отчасти те функции, которые выполнял Рейган, выполняет сегодня Барак Обама. Будет ли новый Рейган в смысле возрождения климата «холодной войны» в отношениях с Россией? Я думаю, что нужно подождать. Гадать об этом бесполезно, что произойдет за два с половиной года, сказать невозможно.

В чем состоит сотрудничество в Афганистане? Я думаю, что оно существует, но оно, конечно, ограничено. Безусловно, вы правильно сказали о том, что сегодня ситуация после выборов в Афганистане (или во время выборов) выглядит лучше, чем она представлялась многим наблюдателям, но ситуация в Афганистане может развиваться по-разному, и в соседнем Пакистане тоже. Поэтому проблема сохраняется. Я думаю, что есть общие интересы. Если сотрудничества где-то не хватает, то интересы, безусловно, существуют. Но при всем при этом надо иметь в виду, что общий фон соперничества и, я бы сказал, очень серьезного взаимного неприятия (в том числе на уровне руководителей государств) создает серьезные ограничения такому сотрудничеству. Могут ли быть новые санкции? Могут быть, но я их пока не вижу в обозримой перспективе.

Паин. Мне было очень интересно слушать наших экспертов. Меня особенно заинтересовало их искреннее удивление по поводу того, что эти дураки ввели санкции. Действительно, зачем их ввели? Крым-то упал, как яблоко, безо всяких наших внешних усилий. А они почему-то вводят санкции — то ли по причине того, что они не любят нашего президента, то ли, может быть, от природной русофобии, скорее всего, так. У них-то вообще никого нет, там все у нас с советских времен, а у них никого нет. И весь разговор шел — и ваш, и экспертов — по поводу того, как они должны измениться, как они должны поумнеть, чтобы наладить с Россией хорошие отношения. А я вот думаю, Россия, которая много меньше, много беднее, чем Запад, она что, меньше нуждается в налаживании хороших отношений, чем этот дурной Запад? Я понимаю, что можно ждать, и нам Евгений Янович сказал, что чем больше ждешь, тем твердолобей политика, тем больше инвестиций к нам приходит. Но он должен срочно сообщить эту новость нашим министрам, потому что они же, дураки, нам говорят о нулевом росте, они говорят, что у нас очень плохие шансы на инвестиции, вообще инвестиционный климат просто ужасный. И это надо рассказывать. Если они такие глупые, надо их просветить, мы же страдаем от этого ужаса!

Я тоже заметил, что мои друзья вывозят деньги. Тоже, видимо, по причине неадекватности оценки ситуации. Скупают квартиры, перевозят семьи. То есть единственная инициатива, которую вызвали санкции, — тот ваш сценарий, — это инициатива побыстрее вывезти деньги и спрятать семьи. Вот эта инициатива есть. И никаких трех сценариев нет, а есть один сценарий смешанный: у нас инициатива по выводу денег, а у власти — инициатива по поводу наращивания государственных монополистических форм развития, связанных с поворотом на Восток, то есть с новыми гигантскими затратами всех наших налогоплательщиков средств на некие прожекты. Еще раз, вопрос о том, что, мне кажется, хотя бы в экспертном сообществе, возможно, надо переформатировать повестку дня и говорить о том, что и Россия — как всегда такое было, — не только Америка, должна как-то пойти навстречу и думать о том, как налаживать отношения, как склеивать разбитые горшки.

И второе, вы как думаете, после того, что случилось с Крымом, как это яблочко упало, можно ли было надеяться, что санкции не введут? Это вероятный был сценарий?

Тренин. Давайте я сразу отреагирую. Я думаю, что все будут дополнять.

Мужчина 1. Вы говорили, что признать российские интересы США должны. Но из личного опыта я хочу сказать. Во-первых, стиль дипломатии отличается у американцев, европейцев и т. д. Года два назад мы встречались с одним из руководителей американского посольства, и когда [один] из товарищей задал ему в лоб вопрос, почему

они там-то и там-то вмешиваются, то он просто сказал: «Мы делаем историю». Это американский подход. Так вот, в связи с этим я хотел бы узнать вашу точку зрения, ваши последние впечатления, как себе американцы сейчас в Вашингтоне представляют российские интересы в сегодняшней внешней политике вблизи России и т. д.?

Тренин. Спасибо большое. Давайте тогда я на эти два [вопроса] попытаюсь отреагировать. Я, Эмиль, абсолютно убежден, что Россия... Мой пафос вообще заключался в том, что если Россия не изменится, то ее ждет либо вот так, либо разворот на Восток. И, как вы понимаете, на мой взгляд, это не лучшие и не оптимальные, скажем так, варианты развития России. Но, на мой взгляд, все-таки эти изменения лежат, скорее, вне сферы внешней политики. Во внешней политике — я, конечно, совершенно убежден в том, что когда Путин принимал решение по Крыму, это было, я так понимаю, его личное решение. И я не думаю, что это решение было кем-то пролоббировано. Я думаю, что это личное решение, никто не может взять на себя ответственность такого плана, потому что все понимали, и Путин прежде всего, что за этим последует. Я думаю, что понимали достаточно, что за этим могло последовать. Как минимум санкции. А там ведь неизвестно, как все пойдет! Ведь можно было ввязаться и в драку на территории Украины, и там могли быть самые разные варианты развития ситуации. Поэтому у меня есть свое представление, почему такое решение было принято. Поскольку оно у меня основано в основном на моем собственном анализе и не подкреплено какими-то конкретными фактами, которыми никто не обладает за пределами очень близкого окружения президента, я, наверное, оставляю их при себе, но я убежден, что в ситуации на Украине в нынешнем виде Путин использует то, что он использует, включая ситуацию в Донецке, в Луганске и т. д., для одной единственной цели. Эта цель, как мне представляется, заключается в том, чтобы создать институциональные факторы, которые гарантированно исключали бы участие Украины в НАТО. Поскольку он не верит абсолютно никому, никаким заявлениям... тем более что этих заявлений и этих гарантий никто не даст, потому что ни одна западная страна не может сказать, что Украина не может быть членом НАТО, тем более в 2008 году Украина была названа как страна, которая будет членом НАТО (в Бухарестской декларации саммита).

Поэтому Путин, как я понимаю, хочет выстроить на Украине такую политическую модель, которая бы заблокировала бы это совершенно гарантированно, и хочет одновременно создать какую-то новую элиту на Украине, которая бы разбавила ту, скажем так, антироссийскую или настороженно относящуюся к России элиту, которая существует в Киеве, и конечно, антироссийскую элиту на Западе Украины. Вот о чем идет речь. Я думаю, что Запад по этому вопросу имеет разные мнения. Кто-то говорит о том, что ни в коем случае нельзя соглашаться на такой компромисс, кто-то говорит, что мы не должны принимать такую страну, как Украина, в НАТО, поэтому ничего здесь страшного не будет, если какие-то формы будут созданы на Украине, которые позволят русскоязычному населению чувствовать себя комфортно, а Путину тоже уберут перед ним угрозу натовских войск под Белгородом и Курском, натовского флота в Севастополе и американских систем ПРО на всей территории Украины. Собственно говоря, об этом, как я понимаю, идет речь сегодня.

Будет ли Россия менять свою внешнюю политику? Видите ли, она все-таки достаточно гибкая, эта внешняя политика. Она в чем-то жесткая, а в чем-то довольно гибкая. Россия, например, не идет на симметричные ответы, она продолжает вести какие-то переговоры и оставляет роль для ОБСЕ, так что ее можно и нужно критиковать. Но, на мой взгляд, сегодня главная проблема для России — это не внешняя политика, это

внутреннее состояние и внутреннее развитие, которого, честно говоря, я не вижу сегодня, к большому сожалению.

Какие российские интересы могут учитываться? Вы знаете, я думаю, что многие понимают, по крайней мере некоторые в Европе, прежде всего понимают, что постсоветское урегулирование основывается на некоторых неоформленных документально и даже не проговоренных условиях. К числу этих условий, наверное, как сейчас понимают, относится то, что если в каких-то странах оказались серьезные, большие, крупные русские меньшинства, то от того, как будут эти меньшинства себя чувствовать, с одной стороны, и как будет направлена внешняя политика этих государств, с другой стороны, зависит стабильность этих государств. Можно много говорить о суверенитете, можно много говорить о невмешательстве во внутренние дела, но история говорит о том, что это факт, и этот факт нельзя игнорировать. Я думаю, что многие из нас — и я себя бы включил в эту категорию, — особенно после распада Советского Союза, поскольку считалось, что главные наши задачи лежат не в области национально-этнической, а в области экономической, в области государственного, политического строительства, [полагали,] что вопросы русских меньшинств за пределами Российской Федерации — это вопросы, которые требуют определенного менеджмента, но это не вопросы, которые должны находиться в центре внимания внешней политики. Собственно говоря, этой позиции придерживалось большинство в российском истеблишменте. Поэтому только группы, несколько удаленные от центра, тогдашняя политическая платформа Дмитрия Рогозина и т. д., окормляли этот фланг. Но сегодня, когда провалилась на нынешнем этапе идея формирования единого пространства безопасности, единого экономического пространства, единого гуманитарного и культурного пространства между Россией и Западом, эти вещи вышли на более высокий уровень, и они представляют собой проблему. Игнорировать их нельзя. Можно сколько угодно говорить о российской угрозе Латвии и Эстонии, но, в общем-то, в основе проблемы, как я понимаю, лежит то, что в этих государствах существуют нации, основанные на этничности, а не на гражданстве. Это основная проблема. И это проблема не России и не ее внешней политики.

Рыбаченков. Рыбаченков, центр контроля над вооружениями. Дмитрий Витальевич, у меня такой вопрос. Мы все понимаем, что идет информационная война в связи с событиями на Украине. Но давайте посмотрим, кто как себя ведет с разных сторон баррикад. В России, несмотря на шум о том, что идет закручивание гаек и т. д., «Эхо Москвы» 24 часа говорит все, что ему хочется, «Новая газета» то же самое делает, никто ее не трогает. Что происходит на Украине? Ни одного свободного источника нет, там Савик Шустер главный распорядитель. В лучшем случае закрывают, в худшем случае избивают. Пойдем теперь в США. Как происходило освещение событий на Украине? Кто там живет, наши граждане и дипломаты, говорят, что абсолютно отношение необъективное, освещается так, что просто спрашивается, а где же «fair play» американских масс-медиа. Потом вы были свидетелями замечательной сцены, когда мадам Псаки, ей задали вопрос: что же случилось в Одессе? Там страшная трагедия, сожжено 48 человек. Она говорит: «Кажется, они себя слишком агрессивно вели на начальном этапе». Ее спрашивают: «Так что, их за это надо было сжечь?» — «Нет, я этого не сказала».

Я к чему говорю? Я могу провести параллель нынешних событий с событиями во время войны с Грузией, в августе 2008 года я там работал в посольстве. Такая же была картина: все газеты, все телевизионные каналы кричали: «Русский агрессор навалился на малюсенькую беззащитную Грузию, душит ее». По американскому телевидению

показывали кампус с Варшавского университета, мальчики 20-летние что кричали? «Долой русский империализм». Прошло шесть месяцев, комиссия ЕС публикует вывод: атаковал первым Саакашвили системами залпового огня, убив 10 наших миротворцев и массу мирных граждан. Молчок, тишина, особых комментариев нет! У меня вопрос такой: вам не кажется, что все-таки есть параллель между этими событиями, наступит время, что правда или какая-то истина всплывет, и может повториться тот сценарий войны с Грузией, о котором я только что сказал?

Сажин. Владимир Сажин, Институт востоковедения. Здесь Дмитрий упомянул несколько раз Иран, и совершенно справедливо. Иран — это та страна, которая сейчас находится под жесткими санкциями, и вообще она находится уже под санкциями 35 лет, просто это разные санкции. Вторая волна санкций была в 2006 году через резолюции Совета безопасности ООН, но эти санкции мало отражались на ситуации в Иране экономической и политической. Я могу сказать больше, что бывший президент Ирана Ахмадинежад даже сказал, говоря о последней резолюции 1929 2010 года, он сказал: «В эту бумажку можно высморкаться и выбросить». То есть Иран не воспринимал эти санкции, но наступил 2012 год, и тогда США, и Евросоюз к ним присоединился, а потом еще многие другие страны, ввели три пакета санкций. Это прежде всего нефтяные, банковские и санкции на страхование судов. И здесь уже иранская элита задумалась. То есть сначала... Сейчас я читаю в нашей прессе мнения о нынешних санкциях и, возможно, будущих санкциях. Сначала говорят все: «Да ну, что вы, какие санкции, это ерунда! Никакого воздействия нет». То же самое, один к одному, было в Иране в 2011 году, все говорили: «Что нам эти санкции, мы и так проживем. 35 лет жили под санкциями, и под этими проживем». Потом наступил несколько другой период. Ахмадинежад, как Дмитрий уже сказал в отношении России, начал закручивать активно гайки, это в конце 2012 — в 2013 году. Причем очень серьезно. И совместно с этим действием санкций это закручивание гаек очень сильно отразилось на социальном состоянии иранского общества. Уже верхи почувствовали, что что-то должно случиться, если продолжать эту политику. Были тогда голоса: «Прекрасно, санкции все-таки есть, — несколько изменилась ситуация, — они действуют, но давайте используем эти санкции и будем развивать собственную инфраструктуру в различных областях». Но что-то не получилось. Я могу сказать, что только в нефтяную и в нефтегазовую промышленность Ирану требуются для модернизации и для усовершенствования 420 миллиардов долларов. Это для инвестиций. И в других отраслях тоже серьезно дело. Поэтому использовать кризис для внутренних проблем точно не получалось.

Здесь я могу сказать, что эти санкции не только привели к изменению взглядов Ирана на ядерную программу, это частично, эти санкции привели к изменению как внутренней, так и внешней политики Ирана. Я могу сказать, что Иран до выборов президента летом 2013 года и нынешний Иран — это две большие разницы. Почему это произошло? Потому что верховный лидер, а это Али Хаменеи, без которого в Иране не летают птицы, он, будучи консерватором, дал возможность был избранным... Потому что мне даже иранцы говорили, если бы не хотел Али Хаменеи, Роухани, нынешний президент, не был бы избран. Но он дал ему возможность изменить ситуацию. А Роухани в масштабах Ирана — это довольно либеральный, довольно демократичный представитель духовенства. И он имел опыт работы в 2000-х годах с Западом, он сформировал правительство, можно сказать, прозападное, во всяком случае, по образованию своему его членов. Таким образом, наметилось изменение всей ситуации в Иране, в том числе, конечно, ситуации с ядерной программой. Потому что задачу Али Хаменеи поставил своему президенту — это снятие санкций. Таким образом, эти санкции изменили под угрозой существования вообще... я не буду говорить «исламского режима»,

но под угрозой существования такого вида режима, который был до выборов 2013 года, вынудили руководство даже очень радикальное, исламистское пойти на изменение внешней и внутренней политики Ирана. И посмотрим, что будет дальше, после того как, я уверен, будет подписан договор по ядерной программе Ирана, будут сняты постепенно санкции, посмотрим, что будет. Здесь много вариантов.

Во всяком случае, те варианты, о которых Дмитрий говорил, — это использование кризиса, это закручивание гаек, — в Иране были использованы и не принесли никаких результатов. Да, уход на Восток. Для Ирана уход на Восток — это Китай тоже и Япония. Но они не хотят туда идти! Иранский бизнес хочет идти на Запад. Кстати, здесь совершенно та же ситуация, как и с Россией. США инициировали эти санкции, но они потеряли от этого меньше всех, потому что у них не было нормальных, полноценных отношений с Ираном. А у Западной Европы, у Евросоюза были теснейшие отношения, и после введения санкций, особенно 2012 года, пострадали все страны Южной Европы — Испания, Италия, Португалия, Греция, — которые зависимы от иранской нефти, пострадали крупные компании западные, которые не могли осуществлять переводы средств и т. д. Я просто приведу такой пример, что в 2012 году Индия не могла перевести деньги за уже полученную от Ирана нефть. И возили наличные доллары за нефть, вы можете себе представить! Китай тоже не мог перевести деньги, но Китай ухитрился через третьи-четвертые страны, с большими потерями, все-таки перевести. Таким образом, эти санкции очень сильно ударили. Я, конечно, согласен с Дмитрием, что Россия — это не Иран, и здесь, конечно, таких санкций не будет, я думаю, серьезных, но, во всяком случае, так шапкозакидательски говорить о том, что санкции не действуют и никак не влияют на российскую политику, это, конечно, совершенно неправильно. И опыт Ирана говорит об этом.

Я могу сказать, что в разговорах с иранцами на очень разных уровнях, они все время говорят: «Вот вы теперь почти сравнялись с нами. Используйте наш опыт».

Тренин. Спасибо большое, Володя. Пожалуйста.

Мужчина 2. У меня сейчас очень короткий вопрос, связанный с вашим тезисом, Дмитрий Витальевич, о возможном повороте на Восток, в частности с российско-китайским сближением на фоне украинского кризиса. Я хотел бы сказать, что здесь такая возникает проблема, связанная с тем, что поворот на Восток может быть воспринят в двух плоскостях. Первая плоскость — это, действительно, превращение России в некоего зависимого партнера Китая на основе этой экономической зависимости, этих газовых сделок, что Китай начнет диктовать некие политические условия России. И здесь как раз возникают различные опасности, связанные с тем, что если мы берем Восток, то сейчас, если брать Восточную Азию, наблюдается поляризации, основанная на американо-китайском соперничестве и на том, что многие страны Восточной Азии обеспокоены военным ростом Китая, ростом его амбиций экспансионизма. И здесь еще территориальные споры добавляют жара. И в этой связи возникает проблема того, что России придется, если речь будет идти о некоей зависимости от Китая, определяться по поводу этих споров и по поводу... та позиция нейтралитета, которую Россия занимала и за которую ее уважали, и которая создавала дополнительный политический ресурс России на Востоке, эта позиция будет утеряна.

И второй момент, связанный с рисками, которые связаны с российско-китайским сближением слишком быстрым, — это уже внутривнутриполитические последствия для России, связанные с тем, что ни российское общественное мнение, ни элита, ни, в общем-то,

экспертное сообщество, по всей видимости, однозначно положительно этот поворот к Китаю не воспримут. Потому что поворот к Китаю будет восприниматься только как положение России как младшей сестры Китая, как зависимость от Китая. И Китай не будет восприниматься как привлекательная модель, источник некой мягкой силы, модель для развития России. И здесь я как раз хотел бы услышать ваше мнение.

И последний очень краткий вопрос. В связи с тем, что вы как раз сказали о предстоящем, возможно, визите в Японию российского президента, не кажется ли вам, что перед Россией сейчас возникает проблема некой компенсации того, может быть, негативного пропагандистского эффекта, который оказал визит Путина в Китай в других азиатских столицах? И не приведет ли это к тому, что Путину придется решать, например, территориальный вопрос с Японией, идти на какие-то уступки, с тем чтобы этот эффект как-то нейтрализовать?

Тренин. Спасибо большое. Я очень благодарен обоим выступавшим только что за то, что они предложили еще два очень интересных сюжета для обдумывания, для размышления — иранский сюжет и восточноазиатский сюжет. Я прокомментирую последний. Я думаю, что те проблемы, о которых вы сказали, конечно, существуют, и они, на мой взгляд, достаточно хорошо понимаются российским руководством. Что касается визита президента в Японию, то проблема, или задача точнее, использования Японии как внешнеэкономического, технологического, инвестиционного ресурса для России стоит достаточно давно. И фокус, который в свое время появился в политике Путина в отношении Сибири и Дальнего Востока, он требует подключения не только китайского потенциала, но и потенциала других стран. Хотя бы для того, чтобы уравновесить Китай на просторах самой Российской Федерации, но также для того, чтобы получить доступ к технологиям, инвестициям и т. д., которых в Китае нет. И этим ресурсом, безусловно, является Япония. У Японии есть свой интерес, как вы знаете лучше, чем я, в том, что касается развития отношений с Россией. Это редкая, насколько я понимаю, черта послевоенных японских руководителей — геополитическое мышление. Причем оно, в отличие от довоенных, позитивное, мирное, миролюбивое в целом геополитическое мышление. И для премьер-министра Абэ Россия остается, несмотря на Украину и Крым, важным фактором выстраивания той геополитической атмосферы, той среды, которую он собирается выстроить вокруг Японии, видя серьезный и увеличивающийся вызов и даже угрозу со стороны Китая. И я думаю — я уже говорил об этом, — тот факт, что Россия пока не предоставила Китаю некоторые технологии, появление которых у Народной освободительной армии Китая вызвало бы очень серьезные вопросы у Японии, возможно, тоже свидетельствует о том, что этот фактор учитывается в российской политике.

Что касается территориальной проблемы, как мы знаем, в любом реалистичном варианте ее урегулирования Россия вынуждена передать Японии какую-то часть территории, которая сегодня на картах окрашена в цвета Российской Федерации. И президент Путин об этом в свое время говорил публично и предлагал это в свое время японским руководителям. Могут быть и другие варианты решения этой проблемы. И конечно, сегодня, как и в отношении с Китаем, так и в отношении с Японией, практически в отношениях с очень многими странами, тот характер отношений, который сложился с США, ослабляет Россию. И не только сами санкции как таковые, а сам факт, что на Россию наложены санкции США и их союзниками, также ослабляет Россию. В этом, конечно, ничего хорошего для российской внешней политики нет и быть не может. И снятие таких санкций, конечно, Володя, тоже должно являться одной из целей российской внешней политики. Будет ли сейчас принято решение по территориальному вопросу, сказать невозможно, по крайней мере я не могу об этом ничего сказать, но ясно, что такой

серьезный прорыв в отношениях с Японией практически обязательно требует решения территориального вопроса. То есть инкрементально можно двигаться и без решения, но если ставить задачу более крупную, стратегическую, то необходимо какое-то решение территориальной проблемы. Вот, пожалуй, все, что я могу сказать по этому поводу.

Я бы, единственное, добавил, что после того, как Владимир Путин присоединил к Российской Федерации Крым, у него гораздо больше возможностей регулировать прохождение российской границы на других ее участках.

Новиков. Владимир Новиков, Российский институт стратегических исследований. Я как и все, наверное, участники, поблагодарю вас за интересный доклад и еще более интересную дискуссию. Вот центральный вопрос: санкции и как эти санкции повлияют на российско-американские отношения. За этим столом я чаще вижу гораздо Алексея Арбатова и согласен с его тезисом, что основная сфера наших взаимных интересов лежит в первую очередь в ядерной сфере. И в этой связи у меня вопрос: если эти санкции будут вводиться, тем более если произойдет политика эскалации санкций, то это неизбежно окажет влияние на перспективы взаимоотношений, сотрудничества с Россией в области контроля над вооружениями, ядерным нераспространением, борьбу с ядерным терроризмом и т. д. Как вам кажется, готовы ли в Вашингтоне к тому, что эта сфера отношений на долгие годы уйдет в тень в лучшем случае, а в худшем случае еще даже договор СНВ-3 может быть не реализован в полном объеме? И если это так, как это повлияет на заявления господина Обамы, потому что во всем, даже в КДР 2014 написано, что мы будем продолжать переговоры с Россией о дальнейшем сокращении ядерных вооружений и т. д.? Мне кажется, что этот «резерв» очень важен, и эта сфера, если здесь произойдет ухудшение отношений, она окажет очень негативное влияние на все наши отношения с США на долгие годы, даже тогда, когда господин Обама уже не будет у власти.

Тренин. Спасибо большое. Я сразу отвечу, если вы не возражаете. Я думаю, что парадоксальным образом ухудшение отношений, если оно произойдет... пока об этом говорить, наверное, рано, хотя дно мы не нащупали, на мой взгляд, какого-то плато, ниже которого мы не упадем, пока мы не нащупали. Но если произойдет дальнейшее качественное ухудшение отношений, то те проблемы, которые, мы считали, ушли в историю, проблема, которую можно коротко назвать «возможность военного столкновения» в широком смысле слова, эти проблемы поднимутся немного выше на радаре политиков в разных частях мира, в том числе в Москве, в том числе в Вашингтоне, и это заставит их включать ядерный фактор в общее уравнение. Сейчас можно посмотреть любое количество выступлений, любое количество речей, посвященных отношениям с Россией, и вопрос ядерной войны в них не стоит, не сформулирован никак. Предполагается, что любое мыслимое сегодня ухудшение отношений не поставит мир, как раньше говорили, на грань ядерной катастрофы. Но это сегодня.

Если ситуация будет меняться, наверное, какие-то вещи могут быть также подвернуты ревизии. Если предположить какую-то военную акцию российских войск на территории Украины, то, я думаю, мы окажемся в качественно другой ситуации, и тогда проблемы войны и мира, как раньше их называли, станут гораздо актуальнее. И Европа, и не только Европа, но и вся Евроатлантика опять вернется ментально в историю, из которой она вышла за последние 25 лет. Я думаю, что этого не произойдет, но впереди, как мне представляется... и это мое впечатление от разговоров в Вашингтоне и от моих постоянных контактов с коллегами заключается в том, что никто не ждет сегодня серьезного прогресса до конца срока пребывания у власти администрации Обамы в

области контроля над ядерными вооружениями. Но есть ожидание того, что мы можем потерять договор по РСМД, и это может стать еще одним фактором — в том числе медийно, в том числе пропагандистским фактором, — который будет ухудшать общую атмосферу отношений. И здесь американская внутренняя политика, республиканцы против администрации Обамы, будет взаимодействовать с внешней политикой американо-российских отношений, и это будет, наверное, очень неприятно. Я не могу сказать, что это закроет контроль над вооружениями как тему российско-американских отношений на долгие годы. Наверное, нет. Хотя какие-то вещи, наверное, будут труднее решаться, и ситуация не улучшится.

Я бы хотел еще прокомментировать то, что Владимир Рыбаченков говорил. Я согласен с тем, что идет информационная война. Кстати, президент Обама с гордостью об этом говорил вчера, он сказал, что «наша способность формировать мировое общественное мнение помогла нам сразу же изолировать Россию». Это, в общем-то, это способность американского правительства прежде всего. Я думаю, что это серьезный фактор и серьезный инструмент влияния в сегодняшнем мире, поэтому здесь нет ничего, на мой взгляд, нового, за исключением того, что да, мы находимся в условиях информационного противодействия, и надо иметь в виду, что источники информации очень часто занимают какую-то позицию. И надо их рассматривать как в этом смысле комбатантов, вот и все. Мы думали, что они не комбатанты, а они комбатанты. Мы, собственно говоря, это знали и раньше. Но в то же время, когда мы с вами смотрим «Россия-1» или «Первый канал», мы же знаем, чей голос здесь говорит, и мы знаем, что это совершенно официальные комбатанты в этой войне, они получают боевые награды за это. Так что нет, здесь просто взрослый мир...

Мы с вами, господа, работаем уже два часа с четвертью, я думаю, что мы, наверное, будем завершать. Если будет еще один вопрос после этого — пожалуйста, а так я предоставляю слово коллеге.

Исамбаев. Спасибо, Дмитрий Витальевич, за приглашение и за то, что позволили, на самом деле, задать вопрос, который меня интересует. Меня зовут Алмаз Исамбаев, я представляю Кыргызстан. Соответственно, меня интересуют региональные вопросы, которые тоже затрагивают интересы и Америки в Средней Азии, и Китая, и, безусловно, России. Китай сейчас скорее рассматривает страны Средней Азии как государства, которые находятся под влиянием России. Америка у нас находится в Афганистан. И в этой связи у меня вопрос: верите ли в то, что в 2014 году действительно будет вывод большого количества военных контингентов? И насколько военные силы будут оставаться в Афганистане, насколько они будут способны влиять на ситуацию внутри Афганистана? Просил бы вас оценить открытие недавно в Узбекистане представительства Пентагона, которое случилось официально. Мы знаем, что Узбекистан отошел от ОДКБ и ведет свою внешнюю политику. И прокомментировать недавние планы Китая относительно нового Великого шелкового пути, где они провозглашают необходимость оказания более эффективной помощи странам-соседям. В данном случае опять-таки речь идет о центральноазиатских государствах, потому что уже сейчас китайские академики, это не чиновники, а представители больше научных кругов, приезжают в Среднюю Азию и предлагают как альтернативный путь концепцию Великого шелкового пути взамен Таможенного союза.

В основном эти три вопроса. И хотел по поводу влияния Китая на Россию. Я не совсем понимаю, почему речь в данном случае не идет о равноправных партнерских отношениях между Китаем и Россией, а все более говорится о том, что Китай будет

довлеть в этих двусторонних отношениях? Хотя я, на самом деле, себе такого не представляю, мне кажется, что это больше связано с опасениями некой китайской экспансии, то, что я слышу. Но при этом мы должны понимать, что ежегодно россиян в Китай приезжает 2,5 миллиона человек, а китайцев 600 тысяч всего лишь приезжает в Россию. И с учетом того, что сегодня старение населения в Китае, нехватка рабочей силы, я не думаю, что такая экспансия на Дальний Восток, в Сибирь в какой-то ближайшей перспективе возможна. Если исключить этот фактор миграции ползущей, который, на мой взгляд, на самом деле будет исключен на ближайшее время, насколько другие есть факторы риска для такого, на мой взгляд, равноправного сотрудничества России и Китая?

Тренин. Спасибо. Я постараюсь коротко ответить на все эти очень интересные вопросы. Я думаю, что в 2014 году, если не случится чего-то непредвиденного, большая часть американских войск уйдет из Афганистана. Я думаю, что и в дальнейшем они ненадолго там задержатся. Я думаю, что историческая миссия Обамы заключается в том, чтобы уменьшить военную вовлеченность США, и он будет продолжать действовать в этом направлении. Опять-таки если что-то серьезное не случится. Насколько эти войска будут влиять на ситуацию? Я думаю, что они будут влиять самым фактом своего существования, это некоторая гарантия чего-то, какой-то безопасности на крайний случай. Они, конечно, не способны будут выиграть партизанскую войну широкомасштабную, если такая развернется против американских войск и нового правительства в Афганистане, но самим своим фактом существования и присутствия они будут, конечно, влиять на ситуацию. Меньше, чем до сих пор, конечно, но это переходный период, после которого правительство в Афганистане должно будет уже в основном опираться на собственные ресурсы и на помощь соседей, если удастся ее получить.

Средняя Азия и особенно Узбекистан... Я думаю, что для Узбекистана, если хотите, это еще одна гарантия. Подходит срок и президенту Каримову думать о вечности, думать о будущем Узбекистана после того, как он сойдет с политической сцены. Узбекистан проводит политику, где различные векторы должны друг друга усиливать, где американский вектор, китайский вектор и в какой-то степени российский вектор должны использоваться для повышения стабильности, статуса, положения Узбекистана. Так что я смотрю на представительство Пентагона в основном с этой точки зрения, это своего рода какой-то символ, какая-то политическая гарантия для Узбекистана. Я не вижу в этом основы для будущего американского военного присутствия в Центральной Азии. Я думаю, что для США Центральная Азия перестанет существовать после того, как войска будут выведены из Афганистана, и думаю, что американское представительство могут там оставить надолго, но каких-то серьезных военных баз, наверное, не будет. Хотя, с другой стороны, там будут оставаться — не только в Узбекистане, но и в других странах этого региона — и склады боеприпасов, и материально-технические средства, и прочие элементы инфраструктуры, которые США могут быть использованы в том случае, если возникнет необходимость для каких-то действий. И, уходя, они оставляют возможность для того, чтобы при внезапно создающейся чрезвычайной ситуации они могли бы действовать, что-то там решить.

Китай является конкурентом России, безусловно, в Центральной Азии. Конкуренция идет в экономической сфере сейчас, потому что политическая сфера, сфера безопасности пока что для китайцев закрыта Россией, и китайцы не особенно хотят Россию провоцировать, они действуют осторожно, на перспективу. Поэтому, в отличие от Запада, они действуют гораздо более медленно, но гораздо более верно. И в этом смысле китайцев, конечно, нельзя недооценивать, они являются и партнерами России, и ее конкурентами. Влияние Китая на Россию и насколько равноправными будут отношения.

Вы знаете, я считал вообще до сих пор китайско-российские отношения после 1989 года таким чудом небольшим в истории международных отношений — когда две страны, соотношение весов которых резко изменилось за какие-то 10 лет, с очень сложными историческими взаимоотношениями сумели наладить эффективное партнерство (ограниченное, конечно, но в этих границах весьма эффективное), при этом не создавая каких-то психологических дискомфорта, что удивительно, вообще говоря. И Россия, действительно, несмотря на те опасения, о которых вы говорили, по большому счету является единственным соседом Китая, который не испытывает страха перед китайской угрозой. И российское руководство, на мой взгляд, такого страха не испытывает.

Моя обеспокоенность заключается в том, что нынешняя ситуация с Западом и ослабление российского западного вектора во внешней политике меняют этот баланс, и Россия оказывается в менее сильной позиции по отношению к Китаю. России сейчас от Китая, возможно, нужно что-то, скажем, нужны деньги. И из-за изменения кредитных рейтингов России рейтинги стали дороже на Западе. Можно их взять в Китае, но в Китае вы получаете в нерыночном варианте различные условия. Вы в Китае хотите зайти в российские энергетические месторождения и стать там партнером — то, что до сих пор было возможно только западным компаниям. Китайцы хотят те же самые права, что и западные компании, хотя за китайскими компаниями стоит, конечно, китайское правительство. С другой стороны, российское правительство только что узнало, что такие уважаемые компании, как «Visa» и «MasterCard» тоже действуют в рамках определенной политики, если такая необходимость возникнет. Так что где-то это сближает представления. Но в целом моя озабоченность заключается в том, что существенное ослабление российского западного вектора, особенно европейского вектора, приводит к смещению баланса российско-китайских отношений в пользу Китая. И, на мой взгляд, это не очень хорошо для России. Я не думаю, что это очень хорошо для Китая тоже, потому что иметь дело с Россией, у которой есть некоторые претензии, некоторая озабоченность, я бы тоже никому не посоветовал, но, во всяком случае, это несколько меняет баланс не в пользу России. Удивительно, что этот баланс поддерживается, несмотря на колоссальное экономическое с точки зрения ВВП превосходство Китая над Россией. Но баланс тем не менее есть, и Китай это чувствует, понимает. Но не надо строить иллюзий в отношении любой страны, будь то Китай, США, Россия. Страны действуют в соответствии с обычаями поведения государств в международных отношениях, которые мы более или менее себе представляем.

Огромное вам всем спасибо за то, что пришли, за то, что приняли участие в этом круглом столе (я все-таки так его называю). И добро пожаловать, у нас что-то, по-моему, приготовлено за этими дверями. Спасибо.